

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 338.48(470+571)+(481)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.5

Туризм в субарктическом и балтийском регионах Европы *

© ВРОКБЕРГ Урбан, PhD, профессор

E-mail: urban.wrakberg@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Киркенес, Норвегия

Аннотация. В статье автор утверждает, что культурные измерения Арктики и Субарктики могут быть во многом интересны для современного туризма в качестве новых туристических направлений, важной составляющей исследований в области туризма, а также подготовки управленческих кадров. В Норвегии Евроарктический регион представляется туристам с акцентом на дикую природу. Используется ограниченный набор брендовых элементов: северное сияние, ледяные отели, катание на собачьих упряжках, «сафари» для наблюдения китов или редких птиц, а также для ловли крабов. Дикая природа, как и погода, ненадёжна, а разочарованные туристы вредны для бизнеса, поэтому культурное содержание туристических маршрутов оказалось практически необходимым, чтобы разнообразить рассказы гида и выступать в качестве «резервного развлечения» при плохой погоде. В плане этнологического и исторического наследия Евроарктический регион потенциально интересен с точки зрения развития регионального туризма. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу туризма в Евроарктическом регионе и юго-восточном регионе Балтийского моря с целью поиска интересных решений и их практического применения.

Ключевые слова: Норвегия, Россия, субарктический туризм, культурное наследие, коллективная память, пограничье, Куршская коса, Клайпеда.

Tourism in the Subarctic and the Baltic Sea regions of Europe

© Urban WRÅKBERG, PhD, Professor

E-mail: urban.wrakberg@uit.no

UiT — The Arctic University of Norway, Kirkenes, Norway

Abstract. It is argued that the cultural dimensions of the Arctic and Subarctic have much to offer contemporary tourism, both as sources of new contents in tours and as an important field in tourism research and management training. In Norway, the Euroarctic is marketed to tourists focusing on nature and wildlife. A limited set of branding elements is used: northern lights, ice hotels, dogsledding, “safaris” for watching: whales, rare birds, and for catching king crabs. Wildlife, like the weather, is unreliable, and disappointed tourists are bad for business, so cultural contents have in practice proved necessary to bring into guide narratives as “backup entertainment” on no-shows of the natural attraction. Much more of the ethnological and historic heritage of the Euroarctic has potential interest to regional tourism development. This article compares tourism in the Euroarctic with that of the southeast Baltic Sea region, to find examples of what this could be and makes some recommendations based on that.

Keywords: Norway, Russia, subarctic tourism, cultural heritage, collective memory, borderland, Curonian Spit, Klaipeda.

---

* Для цитирования:

Врокберг У. Туризм в субарктическом и балтийском регионах Европы // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 5–17. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.5

For citation:

Wråkberg U. Tourism in the Subarctic and the Baltic Sea regions of Europe. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 5–17. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.5

Введение

Согласно большинству определений, в Европейскую Субарктику входят северные округа / области Норвегии, Швеции, Финляндии и России к западу от Урала. Северо-Западное российское направление проходит через Москву или Санкт-Петербург и управляется туроператорами в Архангельске или Мурманске. Автобусные туры и круизы в этих регионах иногда объединяются с пунктами назначения в соседних южных республиках Коми и Карелии. В совокупности этот «север» в значительной степени совпадает с северо-русской частью международного социально-политического партнёрства, зародившегося в 1993 г. под названием Баренцева Евроарктического региона.

Современный туризм в Северной Норвегии находится в периоде роста. В Финляндии субарктический туризм имеет важное экономическое значение. Всё это стало возможным благодаря нескольким десятилетиям согласованных усилий, объединяющих самые современные академические знания в области туризма с талантом и предпринимательством в сфере гостеприимства, которые поддерживаются дальновидными инвесторами. В последнее десятилетие, благодаря вниманию международных средств массовой информации к пассажирским и грузовым перевозкам компании *Hurtigruten* в Норвегии, компанию удалось трансформировать в маршруто-ориентированное транспортное предприятие и крупный круизный оператор. Последнее особенно важно на сегодняшний день. По пути из Бергена в Киркенес и обратно четырнадцать кораблей *Hurtigruten* заходят в несколько портовых городов и деревень. Во время остановок местные туристические операторы предлагают короткие экскурсии, продолжительность которых составляет до нескольких часов.

Многие из этих местных туристических достопримечательностей считаются природными. Однако международная наука продемонстрировала, что на самом деле они представляют собой памятники культуры, в том смысле, что увлечение «дикой» или экзотической природой и традиционным образом жизни людей в отдалённых уголках мира является частью западного интереса к северу, появившемуся ещё в XIX в. среди западных и центрально-европейских путешественников [1, Wråkberg U.]. В этом нет ничего устаревшего или проблематичного, того, с чем туристический бизнес не мог бы справиться, но для этого требуется определённый профессионализм. Обеспокоенность по поводу глобального потепления и представление об экзотичности Арктики тесно переплетаются. Арктическая зима теперь стала чем-то «вымирающим», тем, что необходимо попробовать, пока оно не исчезло, тем, что видится недостижимым для большинства и доступным лишь состоятельным туристам.

Основной проблемой для Норвегии является сбалансированность туристических стратегий, уравновешенность их экономических, культурных и экологических целей. В руководящих документах, изданных норвежским правительством, приоритет отдаётся устойчиво-

му, высококачественному, природному туризму на открытом воздухе¹. В сочетании с неолиберальными взглядами на университетское образование, которые благоприятствуют краткосрочной и прикладной профессиональной подготовке, культурные аспекты, как правило, менее акцентируются в университетских курсах по управлению туризмом.

Северная Скандинавия и прилегающая к ней часть России образуют приграничный регион с интересной историей. Он имеет общие черты с отдельными территориями Центральной и Восточной Европы. Всё это позволяет искать сходства и различия в культурных традициях Центральной и Северной Европы, а также рассматривать их с точки зрения управления объектами культурного наследия и развития туризма. Общей чертой, которая редко упоминается в литературе, является религиозная граница между Русской Православной и Евангельской или Католической церквями, которые встречаются как в Центральной Европе, так и на севере. Данный аспект культуры имеет большое значение в современной жизни местного населения и в управлении местным культурным наследием, и поэтому представляет интерес для туроператоров [2, Kristiansen R.E., Egeberg E.; 3, Sorokina M.].

Недавнее исследование в Восточной Европе прояснило новые вопросы, ответы на которые полезно знать при изучении Евроарктического и его приграничных регионов. В своей работе центрально-европейские историки продемонстрировали, как формируется и используется так называемая «коллективная память» и указали на необходимость говорить о различных «исторических трудах» по многим темам, некоторые из которых имеют значение для управления туризмом [4, Erll A.; 5, Tamm M.].

Говоря о туризме на побережье юго-восточной части Балтийского моря, в Северной Норвегии и на границе с Россией, необходимо отметить полевые исследования, ставшие основой для настоящей статьи. Их главной задачей стало установление сходств и различий, которые могут служить ориентиром для повышения качества туризма в Евроарктическом регионе. Результаты настоящего исследования могут быть полезны при работе над содержанием северных туристических программ и над структурой образовательных программ в области управления туризмом в арктических университетах. Кроме того, автором проанализированы методики, позволяющие сбалансировать природные и культурные компоненты при брендинге туристических достопримечательностей, а также туристический интерес к национальным паркам и научный интерес к защите окружающей среды и запрете туризма в природоохранных зонах. Заключение по данным вопросам представлено в конце статьи².

---

¹ Norwegian Ministry of Trade, Industry and Fisheries. Regjeringens reiselivsstrategi: Destinasjon Norge — Nasjonal strategi for reiselivsnæringen. 2012. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/destinasjon-norge/id677870/> (дата обращения: 3.08.2018).

² Неопубликованная версия этой статьи, сочетающая настоящее исследование с другими проектами, появилась в качестве рабочего документа, изданного Исследовательским центром Словацкой ассоциации внешней политики в Братиславе.

Туризм на Куршской косе

Куршская коса — вытянутой, слегка изогнутой полуостров, узкая полоска земли около 100 км в длину, а в ширину — от 4 км до 400 метров в самом узком месте вблизи села Лесное. Коса проходит с юго-запада на северо-восток и является частью юго-восточного побережья Балтийского моря. На востоке коса опоясывает Куршский залив, который связан с Балтийским морем через узкий пролив вблизи литовского порта Клайпеда. Коса состоит в основном из песка и песчаных дюн, на поверхности которых располагаются сосновые леса и другая растительность. С XIX в. Куршская коса стала объектом государственной политики, направленной на сохранение природы путём систематического управления земельными ресурсами. Интересно, что самые ранние политические меры содержали инструкции по сохранению культурного наследия, традиционного архитектурного стиля (тогда ещё важных) рыбацких деревушек на косе. В 2000 г. этой территории был присвоен статус Всемирного наследия. Её площадь разделена примерно пополам между Литвой и Россией.

Основываясь на полевых исследованиях в Смильтине, северной оконечности Куршской косы и Клайпеде, автор более подробно остановится на городских и социокультурных ландшафтах территории Клайпеда / Мемель, в том числе лагунах и спорных участках [6, Wråkberg U.; 7, Kinossian H., Wråkberg U.]. Туристическая история Куршской косы является ярким примером того, что некоторые туристы привносят свой вклад в культурное наследие посещаемого ими туристического объекта, исходя из их личного жизненного опыта и интересов. В Клайпеде и на Куршской косе много представителей еврейской, немецкой и русской культуры, которые посещают места, связанные с историей своих семей и их традициями. Данная особенность обсуждалась в недавних научных исследованиях [8, Peleikis A.], но не нашла отражения в местных туристических путеводителях. Тем не менее представители соответствующих этнических групп стали заметны на международном уровне. После пяти десятилетий в составе СССР советское наследие, конечно, ещё заметно на территории Литвы и Калининградской области. Оно по-разному интерпретируется как местными жителями, так и гостями [6, Wråkberg U.]; около 6% граждан современной Литвы говорят на польском языке, и примерно столько же имеют русское / советское происхождение.

Одна из археологических достопримечательностей этой части Европы — деревня викингов «Древняя Самбия» была открыта для туристов в апреле 2014 г. в Калининградской области и вскоре стала популярной [9, Belova A.V., Kropinova E.G.] Письменные источники, посвящённые этой части Прибалтики, говорят о многоэтнической и меняющейся истории этих территорий. Куршская коса и её лагуна образовали своеобразный перекрёсток путей, связывающих внутренние маршруты в Белоруссию, Польшу и Литву, судоходные маршруты вдоль побережья в города и регионы Балтийского моря, а также экспортные пути, идущие через пролив между Данией, Швецией и Атлантическим океаном. Анализируемые территории преимущественно находились под властью Пруссии, имперской России, Советского Союза и частично Литвы.

Вторая мировая война принесла опустошение этой части Европы, которая оказалась границей войны и оккупации Красной Армии и нацистской Германии, проходивших через эту территорию несколько раз. Результатом стали потоки беженцев, геноцид еврейского населения, разрушение инфраструктуры, усадеб и традиций. Всё это оставило горькие воспоминания и множество различных историй, которые нужно было рассказать, выслушать, признать и оплакать. В конце войны немецкое население бежало или было депортировано из Мемеля / Клайпеды и всех бывших территорий Восточной Пруссии и Балтии. Литва (включая её части Куршской косы) стала Социалистической Республикой СССР и оставалась таковой до восстановления в качестве суверенного государства в 1990 г. [10, Kirby D.; 11, Kasekamp A.; 12, Snyder T.; 13, Eidintas A.]. Таким образом, эти территории располагают комплексом материального и символического наследия, богатой историей пограничья, образности и символики. Однако появляется множество проблем для современных областных и городских властей, когда возникает необходимость решить, какие объекты подлежат сносу или перепланировке, а какие необходимо поддерживать или восстанавливать. Кроме того, сложности возникают при выборе исторических фактов для туристической информации, тематических рубрик для составления брошюр, а также в области брендинга и маркетинга [14, Мачюлис Д., Nikžentaitis A., Safronovas B.].

Профессиональные исследования в области культуры Балтийского региона и Центральной Европы показывают, что управление культурным наследием и успешное руководство туризмом лучше всего производить в рамках своего рода археологического подхода к локальной и региональной истории, чтобы все слои культурного ландшафта оказались видны [15, Huyssen A.]. Правильная расстановка приоритетов необходима для маркетинга. Однако богатое культурное наследие может быть ключевым для посетителей того или иного объекта или региона, может оказаться именно тем, что заставит туристов вернуться. Хорошее образование и высокие этические стандарты требуют осознания различий интересов нынешних и бывших жителей региона, а также его посетителей. Конечно, ресурсы управления культурным наследием ограничены, а состоятельные инвесторы являются основными движущими силами развития. На наш взгляд, градостроители должны прийти к управляемым проектам, а туризм должен быть основан на чётком осознании того, какие ограничения налагать на изменение исторических объектов и сколько потратить на реконструкцию, чтобы сохранить наглядность исторических периодов развития того или иного объекта культуры [См. более подробно в 16, Sirutavičius M.]. В свою очередь, сохранение исторической среды может окупиться ростом туристической привлекательности территории.

Туристический менеджмент в Центральной и Северной Европе

Первое сходство между странами Центральной и Северной Европы, отмеченное нами, заключается в событиях 1945 г. Северная Финляндия и Мурманская область России оказались полем битвы. Тактика выжженной земли и систематическая «практика разруше-

ния», применяемая отступающей немецкой армией, двигавшейся на север и запад в 1944–45 гг., не взаимодействуя с финской и Красной армиями, привели к разрушению инфраструктуры и поселений в Северной Норвегии. Ситуация там оказалась одной из худших в Европе [17, Lund D.H.]. Войска Советского Союза, которые в октябре 1944 г. освободили, а затем заняли самую восточную часть Финнмарка, осенью 1945 г. получили приказ вернуться в Россию. Некоторые демографические изменения, вызванные войной, оказались перманентными в Евроарктике: потребовались перемещения небольших популяций. Прежде всего, на Крайнем Севере — эвакуация финского и восточно-саамского населения с довоенной финской территории Печенга, вблизи границы с Норвегией. Об этом редко говорят сегодня, и в основном эти страницы истории оказываются неизвестны для туристов. Исключение составляют выставки Национального музея коренного народа саами в Финском городе Инари³.

Стандартизированное однообразие жилья, построенного в округе Финнмарк взамен утраченного в ходе войны, явилось результатом правительственной политики, навязанной всему процессу восстановления. Игнорировались саамские традиции, а также любое другое местное довоенное наследие в предписанных модернистских деревенских планировках и в архитектуре жилых зданий. Программа восстановления была основана на национальных норвежских субсидиях, которые сами по себе экономически необходимы и приветствуются в Северной Норвегии. Тем не менее эта «реконструкция» была продолжением довоенной политики «норвегизации» Северо-Восточной Норвегии [18, Wråkberg U.]. Норвежское правительство в Осло полагало, что северные территории с их вековыми культурными и этническими связями с Финляндией и Россией нуждались в более выраженном норвежском характере культуры [19, Eriksen K.E., Niemi E.; 20, Hønneland G.].

Сегодня безликие послевоенные жилые постройки в Финнмарке иногда обсуждаются на местном уровне, но это никогда не делалось официально. Возрождение культурного наследия в Финнмарке не предполагалось в рамках государственной политики и не предпринималось до настоящего времени. Всё это контрастирует с оживлёнными дискуссиями о городском планировании в большинстве других территорий, разрушенных войной [См., например, 21, Diefendorf J.M.]. Всё это отчасти объясняет отсутствие интереса со стороны нынешних владельцев послевоенной недвижимости инвестировать в её содержание. Плохое техническое обслуживание и тот факт, что такого рода здания расположены в центре большинства деревень Финнмарка, ухудшают культурный потенциал территории. Кроме того, это часто негативно комментируется посетителями, вследствие чего препятствует местному туризму⁴.

Передача опыта и взгляд в противоположном направлении от приграничной субарктической Европы до побережья Куршской косы может представлять интерес при обсужде-

³ Siida Sami Museum. From Petsamo to Inari, 2003. URL: <http://www.samimuseum.fi/saamjiellem/english/historia.html> (дата обращения: 03.08.2016).

⁴ Andreassen, R.F. Byen Turistene Velger å Overse [The Town Tourists Choose to Overlook]. *Sør-Varanger Avis* [местная газета Киркенеса] 27 June 2015, p. 6.

нии передовой практики управления заповедниками, особенно такими, как те, которые охватывают национальные границы. В Северной Скандинавии и на Северо-Западе России существует несколько таких национальных парков. Один из них расположен по обе стороны от реки Пасвик, которая определяет национальную границу между Норвегией и Россией. Опыт местных жителей национальных парков особенно важен. В Евроарктике таких парков несколько, а некоторые из них достаточно крупные, как, например, Национальный парк Урхо Кекконен в Северной Финляндии. Его площадь составляет 2 500 км², что в 14 раз больше площади национального парка Куршская коса. Отдых на природе представляет большой интерес для жителей Северной Фенноскандии и Северо-Запада России. В Норвегии мы наблюдаем столкновение интересов по вопросу о землепользовании и защите окружающей среды. Эти вопросы часто обсуждаются на онлайн-форумах и в местных газетах. В целом, дискуссии о природе / национальных парках касаются поиска баланса между парком как зоной отдыха и исключительно природным объектом. В контексте последнего, национальные парки могут ассоциироваться с парковыми рейнджерами и учёными-естествоиспытателями. Местные жители с их тягой к отдыху на открытом воздухе в качестве хобби или части неформальной экономики, а также туроператоры и их клиенты лоббируют против — пока на севере есть люди, которым, возможно, потребуется помощь и социально-экономическая поддержка.

Применим ли научный подход к гибридным исследованиям «радикальной экологии человека» для дальнейшего анализа конфликтов такого рода? По-видимому, это вызывает сомнения. Исследователь Ульрих Кокель высказался в рамках этого подхода относительно различных вариантов использования земель и сохранения культурного наследия на Куршской косе и Парке всемирного наследия, сравнивая калининградское руководство российской стороны со своим литовским коллегой, в статье 2012 г. [22]. У. Кокель выступил против деятельности, приносящей доход, основываясь на примерах развития туризма на Куршской косе, представленных Беловой и Кропиновой [9]. Очевидно, что эти исследователи-учёные имеют больше общего с современным политическим большинством Норвегии, чем У. Кокель. Они иллюстрируют необходимость меньшей элитарности и большей ориентированности на бизнес в вопросе установления баланса между доступом и защитой природных парков.

Использование У. Кокелем принципов радикальной экологии человека в отношении культурного наследия Куршской косы не даёт ответа на некоторые вопросы. Он не находит ничего сложного в дисбалансе покупательной способности между большинством других участников и «возвращающихся» немецких туристов, которые посещают этот прибрежный регион, имея личные семейные связи с регионом или не имея их. В очевидном контрасте с большинством других заинтересованных сторон, последние обладают финансовыми средствами для покупки исторической недвижимости и, таким образом, способны чётко сформулировать свои интересы применительно к данной местности. К ним приравнивают только российских инвесторов, которые, несмотря на российскую юрисдикцию на южной оконечности

полуострова, не учитываются в работе У. Кокеля, а представляются слишком коммерчески настроенными и не способными рационально управлять культурным наследием региона. Если смотреть с такой точки зрения, то тогда следует избегать любых планов по созданию новых туристических объектов на Куршской косе, которые привлекут большие группы туристов.

Туризм и культурное наследие в русско-скандинавской Субарктике

На сегодняшний день местные дебаты по вопросам землепользования и туризма в Северной Норвегии очень интенсивны. Однако консенсус редко достигается на местном уровне, поэтому окончательные решения по этим вопросам, как правило, поступают от правительственных министерств в национальной столице Осло. Предлагаемая либерализация, например, открытие новых зон для снегоходов, обсуждается в северных газетах и на страницах в Facebook, а также в норвежском парламенте⁵. В настоящее время государственное управление склоняется к тому, чтобы интересы туристического бизнеса совпадали с интересами природоохранных организаций. В Северной Скандинавии нередко приходится сталкиваться с растущими природными парками. Такие расширения, как известно, приводят к появлению нескольких местных рабочих мест, но ограничивают возможности получения дохода для туристических операторов.

Основываясь на опыте работы автора в качестве бортового гида во время арктических круизов, можно сделать вывод о том, что большинство туристов активно и охотно воспринимают историческую и культурную составляющую посещаемого региона. Тем не менее природа остаётся в центре внимания субарктического туризма в Норвегии. Именно поэтому краткосрочный профессиональный тренинг по управлению туризмом стоит дополнить более широким пакетом университетских курсов. Необходимо не только готовиться к управлению малым бизнесом в Субарктике, но также иметь представление об истории, управлении культурным наследием, музейном кураторстве и таким образом открывать для себя профессиональную карьеру в сфере туризма за пределами севера. К экологической устойчивости в северном туризме следует добавить компонент культурной устойчивости в этическом смысле, о котором и идёт речь в этой статье. Целесообразность этого подтверждается опытом, обобщённым в рамках мирового природоохранного туризма [23, McKercher B., Du Cros H.; 24, Gillman D.; 25, Graham B., Ashworth G.J., Tunbridge J.E.].

Существуют также практические основания для того, чтобы сохранить центральное место культурного наследия в рамках программ управления северным туризмом с акцентом на природные объекты и явления. Многие из них привлекательны для туристов, но часто являются неуловимыми, например, Aurora Borealis или наблюдение за птицами и китами. Операторы таких туров знают об этом и всегда имеют план Б для туристов. Разумеется, альтер-

---

⁵ См., например, статьи в местных изданиях: A. Renslo-Sandvik. Vurderer fartsgrense på 30 km/t, rasteforbud og påskestengt: Ser flere potensielle løype konflikter. *Finnmarken*, 20 August 2016, с. 4–6. Пример партийного конфликта об этом в парламенте см. в O.G. Onsøien, Bengt Rune Strifeldt (FrP) ville gjøre det lettere å få skuterdisp. *Finnmarken*, 13 June 2018, с. 6–7.

нативное содержание тура должно иметь хорошее качество, т.е. основываться на современной науке. Здесь совместные проекты и программы курсов для туристических гидов, работающих в партнёрстве с университетским сектором, могут способствовать повышению надёжности и увлекательности туристического контента.

Идея отыскать традиционную культуру в забытом уголке Европы, в том числе в её отдалённой субарктической части, продолжает привлекать некоторых туристов. Данный момент важен для некоторых отраслей туризма. Спрос на такого рода туристические аттракции можно было бы удовлетворять на постоянной основе с точки зрения экологии, интересов этнических меньшинств и современных интерпретаций концепции культурного наследия. Более новая «привлекательность» арктической природы заключается в том, что она может стать жертвой деградации окружающей среды. Этот факт привлекает людей на север так называемым «тёмным туризмом». Евроарктические постсоветские промышленные объекты и рудники на российской границе с Северной Норвегией и Финляндией рассматриваются как памятники того, что люди не должны делать с природой, а на Шпицбергене промышленное наследие рассматривается как напоминание об экологически разрушительном бизнесе, который никогда не должен был быть начат [См. о тёмном туризме: 26, Sharpley R., Stone P.]. Туристы, которые восхищаются тёмным притяжением горного дела в Киркенесе и Никеле, могут, однако, заинтересоваться музеями, рассказывающими о добыче полезных ископаемых, например, в Печенге и Кировске, где можно более детально рассказать об истории советского периода. В более поздние периоды своего существования СССР обеспечивало относительно хорошо оплачиваемую и стабильную жизнь на севере для своих рабочих и их семей. Часто иностранным посетителям бывает интересно узнать, что занятость в этой отрасли по-прежнему остается основной альтернативой зарабатывать на жизнь в субарктической России для тех, кто остался там после массовой миграции 1990-х гг. Надлежащее руководство такими посещениями может превратиться в очень интересный опыт для непредвзятого туриста [27, Haugseth P., Wråkberg U.].

Определённые институциональные особенности северного туризма в Финноскандии и Северо-Западе России особенно интересны в сравнении с юго-восточным побережьем Балтийского моря. Сотрудничество в Баренц-регионе продолжается с начала 1990-х гг. и служит платформой для культурного и научного партнёрства между странами-членами [28, Haugseth P.; 29, Tjelmeland H.]. Развитие туризма было частью этого. Балтийский регион имеет доступ к общей структуре финансирования Европейского Союза, в то время как региональное сотрудничество часто включает в себя трансграничные партнёрские отношения и бывает успешным в той мере, в какой сами партнёры могут повысить финансирование совместных проектов на местном уровне.

До первого десятилетия XX в. международная популярность Арктики была связана с достижением Северного полюса. В первые десятилетия «холодной войны» существовали военные рубежи и арктические военные сценарии [30, Doel R.E., Friedman R.M., Lajus J., Sörlin

S., Wråkberg U.]. С исторической точки зрения, а также в отличие от добровольных партнёрств в Балтийском регионе и БЕАР, глобальная концепция промышленных границ Субарктики рассматривала свои контактные зоны как политически неважные, помимо необходимости урегулирования их географического положения и их правового статуса как справедливых границ. Глобальные перспективы в Арктике упоминаются здесь в связи с тем, что сегодня Арктика очаровывает многих туристов, а её глобальность должна быть частью рассказа всех хорошо подготовленных северных гидов.

Кроме того, Север Европы можно было бы рассматривать как перекрёсток, эффективный в течение длительного периода времени, как часть большого Европейско-Азиатского культурного взаимодействия. Субарктика была небольшой частью в этой зоне переноса идей и миграций с востока на запад и с севера на юг. Это ещё один пример того, что могло бы мотивировать, вызывать интерес у посетителей Крайнего Севера, в том числе и туристов [31, Doel R.E., Wråkberg U., Zeller S.].

Арктические острова Шпицбергена, где сегодня проживает около 2 500 человек, когда-то были «terra communis», но принадлежали Норвегии с 1920 г. и управлялись в соответствии с принципами договора о Шпицбергене. Крупнейшими группами граждан, проживающих на островах, в настоящее время являются норвежцы, русские и украинцы. Управление регулируется специальным договором, который предоставляет предпринимателям всех подписавших его стран равные возможности для предпринимательской деятельности, включая туризм на островах. Здесь возможны дневные экскурсии в заброшенный советский шахтёрский городок-призрак Пирамида, который привлекает большое количество туристов [32, Andreassen E., Vjerck H.B., Olsen B.]. Туристы часто очарованы своего рода тёмным туристическим притяжением и постсоветской историей этого города. Пирамиду представляют остроумные и хорошо образованные экскурсоводы, нанятые российским владельцем объекта — угледобывающей компанией «Трест “Арктикуголь”».

Можно найти множество других примеров, когда построенные города развиваются за счёт владельцев собственности способами, полезными для местных предпринимателей и туризма, а также в условиях положительного брендинга. Одним из таких городов является Калининград, бывший Кёнигсберг, Восточная Пруссия, на южной оконечности Куршской косы. В последние годы российско-германские совместные усилия привели к реконструкции исторических зданий [33, Browning C.S., Joenniemi P.]. Удалось прийти к инклюзивному и сбалансированному взгляду на местное культурное наследие и использовать его в качестве основы для совместной реставрационной работы над немногочисленными сохранившимися старинными зданиями Калининграда: собором, мемориалом и могилой Иммануила Канта. Так происходит признание прошлого, которое было почти искоренено в советское время. В то же время, это удачная русско-германская попытка создать что-то интересное; что-то, что

можно показать растущему числу туристов, что-то, что приветствуется прежними жителями территории и их потомками⁶.

Заключение

Основываясь на наблюдениях за участниками экскурсий и систематическом изучении информации о туризме, можно сделать некоторые выводы о том, что происходит во время «туризма в действии» — как выбираются и передаются различные тематические блоки. Выбор тематического акцента туров и работа с гидом могут быть улучшены за счёт расширения знания культуры и интересов туриста, особенно в случае иностранных клиентов. Анализируя туристическую деятельность, важно учитывать, почему именно этот, а не другой тематический контент представлен в туристической информации и во время экскурсий в регионе. Существует необходимость в большем акценте на субарктическое культурное наследие, которая может быть учтена университетскими исследованиями и их сравнительным контекстом. Последнее облегчает необходимые оценки экологической и социально-экономической устойчивости управления культурным наследием и туризмом на данной территории. Хорошо сбалансированные туры с широким спектром мероприятий привлекут новые группы и больше посетителей на север. Такой подход может привлечь больше туристов из ближнего и дальнего зарубежья, обеспечивая вдохновение и очарование местным культурным разнообразием, которое можно найти в любом месте, сочетая это с интересом к сравнению культур во времени и пространстве. Исходя из проведённого полевого исследования и сравнительного анализа, представленного в этой статье, рекомендуется следующее:

- Увеличение культурного контента в турах, в презентациях руководства и на месте брендинга. Например: морская история (поморская торговля, гастрономические морские фестивали); религиозные границы: православные маршруты паломничества, монастыри; история полярных исследований и научного сотрудничества в Баренцевом море и вокруг; коренное население, его жизнь и традиционные знания;
- Обучение в области управления арктическим туризмом принесет пользу, если будет состоять из курсов по истории Арктики, современных северных обществ и по вопросам представительства разных историй и воспоминаний о встречах туристов с арктическим культурным наследием;
- Большая доступность национальных парков для туристов, использование специальных трекинговых троп, включая тропы для моторизованных транспортных средств для людей с ограниченными возможностями;
- Более разнообразные туры, основанные на анализе предпочтений групп посетителей: азиатских туристов, любителей творческого туризма, гастрономии, рыбалки и т. д.;

⁶ Это нашло своё отражение в трёх последних телефильмах, два произведены в Германии и один в России: Claus C., Adam H. Meine Heimat–Deine Heimat: Mit Wolf von Lojewski durch Ostpreußen, part 2: Kaliningrader Klopse. Mainz, ZDF: Zweites Deutsches Fernsehen, 2008. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=D1UoxYSqMzU> (Дата обращения: 04.08.2016); Kühnrich S. Kaliningrad/Königsberg: Eine Deutsch-Russische Versöhnungsgeschichte. Leipzig, LE Vision Film- und Fernsehproduktion GmbH for MDR: Mitteldeutschen Rundfunk, 2010. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-2a9pjSGTTQ> (Дата обращения: 04.08.2016); Somov A. Discovering Russia with James Brown: The Kaliningrad Region. Moscow, Russia Today & TV Novosti, 2012. URL: <http://rtd.rt.com/films/james-brown-kaliningrad-region/> (Дата обращения: 4 August 2016).

- Интеграция местных музеев в развитие туристических маршрутов; например, в соответствии с концепцией эко-музея.

Литература / References

1. Wråkberg U. Arctic Sublime. Merge, 2005, vol. 14 & 15, p. 28. Available as audio-file at: <http://mergemag.se/blog/?p=77> (accessed 3 August 2018).
2. Kristiansen R.E., Egeberg E. Tro og Religiøse Grensesymboler i Nord [Belief and religious border symbols in the north]. *Russland kommer nærmere : Norge og Russland 1814-1917 [Russia approaching: Norway and Russia 1814-1917]*. Ed. by J.P. Nielsen, P. Mankova. Oslo, Pax, 2014, vol. 1, pp. 302–303.
3. Sorokina M. Pechenga Orthodox Trail [guide booklet]. Pechenga: Museum of Local Lore of the Pechenga District, 2005, 26 p.
4. Erll A. Travelling Memory. *Parallax*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 4–18.
5. Tamm M. Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies. *History Compass*, 2013, vol. 11, no. 6, pp. 458–473.
6. Wråkberg U. Built Heritage in the Borderlands of the Barents and Baltic Regions: Post-Soviet Spaces in Kirkenes, Pechenga and Klaipeda. *Languages and Culture in the Arctic Region*. Ed. by N.I. Kurganova, S.A. Vinogradova, E.A. Tyurkan. Murmansk, Murmansk Arctic State University Publ., 2014, pp. 161–169.
7. Kinossian N., Wråkberg U. Palimpsests. *Border Aesthetics: Concepts and Intersections*. Ed. by J. Schimanski, S. Wolfe. New York and Oxford, Berghahn, 2017, pp. 90–110.
8. Peleikis A. Reisen in die Vergangenheit: Deutsche Heimat Touristen auf der Kurischen Nehrung. *Acta Historica Universitatis Klaipedensis XIX: Studia Anthropologica III*, 2009, pp. 115–129.
9. Belova A.V., Kropinova E.G. New Forms of Innovative Tourism Products as a Result of the Interaction of History, Culture and Tourism. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 6, pp. 41–45.
10. Kirby D. *The Baltic World 1772-1993: Europe's Northern Periphery in an Age of Change*. London, Routledge, 2014, 480 p.
11. Kasekamp A. *A History of the Baltic States*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010, 251 p.
12. Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York, Basic Books, 2010, 524p.
13. Eidintas, A. *Jews, Lithuanians and the Holocaust*. Vilnius, Versus Aureus, 2003, 534 p.
14. Mačiulis D., Nikžentaitis A., Safronovas V. L'appropriation symbolique d'une ville multiculturelle: Les cas de Kaunas, Klaipėda et Vilnius. *Revue Germanique Internationale*, 2010, vol. 11, pp. 41–60.
15. Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford, Stanford University Press, 2003, 177 p.
16. Sirutavičius M. The Grand Duchy of Lithuania and the Historical Region: The Search for New Coordinates in Post-Soviet Lithuanian Historiography. *The Construction of National Narratives and Politics of Memory in the Central and Eastern European Region after 1989*. Ed. by E. Aleksandravičius. Kaunas, Vytauto Didžiojo Universitetas & Versus Aureus, 2014, pp. 41–54.
17. Lund, D.H. The Revival of Northern Norway. *The Geographical Journal*, 1947, vol. 109, no. 4/6, pp. 185–197.
18. Wråkberg, U. The Loss of Built Heritage in Northern Norway during WWII and the Failing Interest to Restore it in the Official Post-War Rebuilding Policy. *Social Development of Northern Territories in Russia and Foreign Countries: Experience, Challenges, Prospects*. Ed. by G. Zhigunova. Murmansk, Murmansk Arctic State University, 2015, pp. 257–262.
19. Eriksen K.E., Niemi E. *Den Finske Fare: Sikkerhetsproblemer og Minoritetspolitikk i Nord 1860-1940 [The Finnish menace: security problems and minority politics in the Norwegian north 1860-1940]*. Oslo, Universitetsforlaget, 1981, 470 p.
20. Hønneland G. *Arktiske utfordringer [Arctic challenges]*. Kristiansand, Høyskoleforlaget, 2012, 139 p.
21. Diefendorf J.M., ed. *Rebuilding Europe's Bombed Cities*. Basingstoke, Macmillan, 1990, 234 p.
22. Kockel U. *Borders, European Integration and UNESCO World Heritage: A Case Study of the Curonian Spit. Heritage Regimes and the State*. Ed. by R.F. Bendix, A. Eggert, A. Peselmann. Göttingen, Universitätsverlag Göttingen, 2012, pp. 227–246.

23. McKercher B., Du Cros H. *Cultural Tourism: The Partnership between Tourism and Cultural Heritage Management*. New York, Haworth Hospitality Press, 2002, 262 p.
24. Gillman D. *The Idea of Cultural Heritage*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2010, 204 p.
25. Graham B., Ashworth G.J., Tunbridge J.E. *A Geography of Heritage: Power, Culture and Economy*. London, Arnold, 2000, 284 p.
26. Sharpley R., Stone P., eds. *The Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism*. Tonawanda, Channel View Publications, 2009, 275 p.
27. Haugseth P., Wråkberg U. *Tourism Experiences of Post-Soviet Arctic Borderlands. Arctic Tourism Experiences: Production, Consumption & Sustainability*. Ed. by Y.-S. Lee, N. Prebensen, D. Weaver. Wallingford, CABI, 2017, pp. 181–190.
28. Haugseth P. *Tvillingby samarbeid i den norsk-russiske grensesonen [Twin town partnership in the Norwegian-Russian borderzone]. Grenseliv [Border life]*. Ed. by A. Viken, B.S. Fors. Stamsund, Orkana akademisk forlag, 2014, pp. 21–37.
29. Tjelmeland H. *Border as Barrier and Bridge: The Norwegian-Soviet/Russian Border as a Political and Cultural Construction. Imagined, Negotiated, Remembered: Constructing European Borders and Borderlands*. Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, LIT Verlag, 2012, pp. 167–186.
30. Doel R.E., Friedman R.M., Lajus J., Sörlin S., Wråkberg U. *Strategic Arctic Science: National Interests in Building Natural Knowledge — Inter-war Era through the Cold War*. *Journal of Historical Geography*, 2014, vol. 44, pp. 60–80.
31. Doel R.E., Wråkberg U., Zeller S. *Science, Environment, and the New Arctic*. *Journal of Historical Geography*, 2014, vol. 44, pp. 1–13.
32. Andreassen E., Bjerck H.B., Olsen B. *Persistent Memories: Pyramiden - A Soviet Mining Town in the High Arctic*. Trondheim, Tapir Academic Press, 2010, 215 p.
33. Browning C.S., Joenniemi P. *The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? The Baltic Sea Region in the European Union: Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality*. Ed. by F. Tassinari. Gdańsk and Berlin, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego and Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität zu Berlin, 2003, pp. 58–103.